

УДК 82–4–111'42

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ТЕКСТОВ-РАССУЖДЕНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА**

Александр Горбань, Инна Письменная

*Університет митної справи та фінансів
University of Customs and Finance
вул. Володимира Вернадського, 2/4, Дніпро, 49000
alxgorban@gmail.com, inna.pysmennna.69@gmail.com*

Горбань О., Письменна І. Прагматичний аспект текстів-міркувань в англійській літературі XVII ст.

Здійснено аналіз текстів англійської прози XVII сторіччя. Схарактеризовано тексти-міркування, представлені різними жанрами (есе, проповіді, щоденники), що уможливило узагальнення на рівні типології текстів. Стилiстику й теорію доповнено новими спостереженнями над раніше не вивченими матеріалами. Дослідження прагматичного аспекту текстів-міркувань XVII сторіччя, безпосередньо пов'язаних із риторикою, дає змогу не тільки підійти до розкриття специфіки розгортання текстової моделі, але й вивчити функцію мови у визначених сферах спілкування.

Ключові слова: тексти-міркування, прагматика, композиція, типологія, есе, щоденник.

Gorban A., Pysmennna I. The pragmatic aspect of the reasoning texts in the 17 th. century English literature

The reference to the analysis of the texts of the XVII th. century is not accidental. This period was defined by researchers as “experimental” in the development of modern English prose. The variety of later developed verbal forms of prose was most vigorously pioneered precisely in this century. The text of reasoning is considered as a whole-formed, structural and communicative unity created on the basic of the compositional – speech form, the elements of which reproduce the speech process as the process of the work of consciousness.

The revival of the rhetoric in the XVII century also determined the special nature of the generation of text in which lexico-semantic and synthetic levels were subjected to compulsory organization. The element of consciousness and correctness is obvious here, so the structure appears naked. The reasoning here is not contaminated with other compositional speech forms, but represents the whole speech production. The basis for the proposed classification of English prose texts of the XVII century in not genre-based features, but a type of compositional-speech form. The typological features of the speech structure of text-reasoning are studied. In addition to linguistic analysis of previously unexplored material, the pragmatic genre parameters of reasoning texts as a form of individual linguistic expression of thought are brought

to the forefront of study. This type of text, being a linguistic expression of thinking process, has specific grammatical and syntactic features that are peculiar to it and constituting factors that depend not only on logic but also on stylistics and pragmatics helps to understand the structure of the text and the nature of compositional-style decisions.

The study of the pragmatic aspect of 17 th. Century reasoning texts directly related to rhetoric allows not only to approach the disclosure of the specifics of the text model, but to study the functions of the language in certain areas of communication. Reasoning allow the writer to express his attitude to persons and events, helps to realize the pragmatic attitude of the work, to influence the reader by deliberately emphasizing the importance of an event. The process of reasoning is impossible without taking into account pragmatic factors their unity forms the essence of reasoning as a speech-thought process. The whole structure of reasoning is directly dependent on the pragmatic attitude: the nature of argumentation, evidence, analogy, and the entire system of expressive-stylistic devices and their dynamic interaction.

Key words: composition, typology, essays, pragmatic, reasoning.

Постановка проблеми и её связь с важными научными задачами. Актуальность работы обусловлена важностью разработки проблем типологии текста на композиционно-речевом уровне с учётом не только экстралингвистических, но и лингвостилистических факторов. Если многоаспектное изучение художественных текстов уже сложилось в отдельную филологическую дисциплину-поэтику, то в отношении других видов текстов такого пока нет. Лингвистика текста, как известно, не изучает те важне факторы текстообразования, которые выходят за пределы лингвистики, сужая рассмотрение текста лишь границами высказывания.

Помимо лингвостилистического анализа ранее никем не изученного материала, на первой план изучения выносятся прагматические, жанровые параметры текста-рассуждения как формы индивидуального языкового выражения мысли. Обращение к анализу текстов второй половины XVII века не случайно. Это был период, который определяется исследователями как экспериментальный в становлении современной английской прозы [Adolph 1968 : 160]. Многообразие развившихся в дальнейшем речевых форм прозы наиболее энергично закладывалось именно в той век. Поэтому обращение к текстам второй половины XVII века, когда риторика становится основой филологического знания и когда

развиваются речемыслительные формы прозы (эссе, дневники, медитации, проповеди), основу которых, составляет рассуждение автора по различным поводам, дает возможность изучить это явление в “чистом” виде, увидеть истоки современных речевых модификаций этой КРФ, динамику и многообразие её исторических форм.

Текст-рассуждение рассматривается в данной работе как созданное на основе КРФ цельнооформленное композиционно-речевое, структурное и коммуникативное единство, в котором переплетаются логические, прагматические, контекстуальные и стилистические аспекты, элементы которого воспроизводят речемыслительный процесс как процесс работы сознания.

Анализ последних исследований и публикаций.

Прагматика в лингвистике – это дисциплина, изучающая применение и работу знаков языка в речи с точки зрения отношений между знаком и его пользователем, а также особенности создания высказываний, зависящих от особенностей участников речевого акта – от используемых речевых способов, ситуаций. До середины XX века термин “прагматика” использовался в различных областях науки (таких как семиотика, философия, социология, психология), вследствие чего его содержание стало весьма широким и неоднозначным.

Некоторые исследователи полагают, что печать прагматической маркированности несут на себе: особенности интонации и акцентирования, экспрессивные морфологические элементы, эмоционально-стилистически окрашенная лексика, средства экспрессивного синтаксиса [Bulygina / Булыгина 198 : 333–334; Ivanova / Иванова 1981 : 118–125]. Другие исследователи рассматривают прагматику как компонент грамматики, который содержит правила интерпретации в разговоре [Riffaterre 1971 : 194] или проводят параллель между прагматикой и риторикой [Berkner / Беркнер 1978 : 229]. Некоторые полагают, что прагматика занимается изучением языка в контексте [Dijk Teun A. Van 1981 : 331]. В том случае, когда прагматика включается в состав лингвистики наряду с другими её разделами, она обозначается как прагмалингвистика или лингвистическая прагматика. Эта точка зрения является в настоящее время наиболее распространенной, она чаще всего

представлена в лингвистических словарях, в учебниках и пособиях по языкознанию.

Цель исследования: перейти от рассмотрения текста-рассуждения как логико-психологического процесса мышления к пониманию того, что он может строиться не только на основе умозаключений и доказательств, но и на основе свободно организованного речемыслительного процесса. Фундаментальная задача: попытаться доказать, что данный тип текста, являясь языковым выражением процесса мышления, должен иметь специфические, свойственные ему конституирующие факторы, грамматические и синтаксические особенности, которые зависят не только от логики, но и от стилистики и прагматики.

Изложение основного материала исследования. Поскольку риторико-стилистический аспект композиции текстов-рассуждений во многом определяется самим фактом речи, здесь и выступает на первый план важность прагматического анализа тестов этого типа. Важность учета прагматики при анализе лингвостилистической организации текста ни разу не принималось во внимание исследователями.

Связь стилистики и прагматики усматривается в том, что рассматриваемая рядом лингвистов стилистика текста имеет ярко выраженный прагматический характер. Создатели прагмалингвистики понимали художественное произведение как “иконический знак”, то есть знак, подобный означаемому, обладающий сходством с действительностью, с которой он соотносён. Учет прагматики помогает понять строение текста, природу композиционно-стилевых решений. Однако пока не удается очертить четкие границы прагматики и дать ей однозначное определение. Некоторые исследователи полагают, что печать прагматической маркированности несут на себе: особенности интонации и акцентирования, экспрессивные морфологические элементы, эмоционально-стилистически окрашенная лексика, средства экспрессивного синтаксиса [Bulygina / Булыгина : 333–334]. В то же время И. Морган рассматривает прагматику как компонент грамматики, который содержит правила интерпретации реплик в разговоре. В этой интерпретации выявлены: а) мотивировка высказываний и

стратегий ведения разговора; б) классы речевых средств, воплощающие эти стратегии [Morgan 1975 : 215].

В таком рассмотрении правила прагматики выглядят аналогично синтаксическим и позволяют, извлекать из высказываний скрытые презумпции говорящего, общее для собеседников знания и т. п. Подобный подход воплощает аристотелевский взгляд на энтимемы, как, на “неполные силлогизмы”; принципы, управляющие стратегиями убеждения, при этом они распространяются на языковую деятельность.

Ван Дейк считает, что прагматика занимается улучшением языка в контексте. Прагматический компонент, по его мнению, должен быть включен в грамматическую теорию, которая таким образом превращается в систему правил, характеризующих языковую форму, значение и деятельность / form – meaning – action [Dijk Teun A. Van 1981 : 331].

На связь контекста и прагматики нужно обратить особое внимание. Исследуя контекстную вариативность с разных сторон, специалисты разрабатывают самые разные классификации. Так, различают ситуативный, физический, психологический, контекст культуры, лингвистический, операционный, коммуникативный и стилистический контексты. Наряду с горизонтальным выделяют вертикальный контекст.

По-разному определяя понятие “контекст” и соотнося его с категорией “текста”, лингвисты, тем не менее, в большинстве своем истолковывают его как функцию от цели коммуникативного акта [Lejkina / Лейкина 1961 : 130] как функцию смыслового содержания текста образуемого целой системой семантически значимых внутритекстовых конститuentов и связей [Slama-Cazacu 1961 : 251] однако узколингвистическое рассмотрение сущности контекста явно недостаточно. Созданное специалистами представление о контексте как о свойстве всей языковой системы, как формы её существования определяет необходимость всегда учитывать жанр произведения и его прагматическую сущность.

В тексте-рассуждении контекст как реализация всей глубинной художественно-эстетической направленности произведения может охватывать весь текст. Таким образом, в понятие определяющего контекста целесообразно включить тип

композиционно-речевой формы (КРФ) или жанр в более широком смысле.

Перспективным в исследовании указанной проблемы является выделение вертикального и горизонтального контекстов. Если горизонтальный контекст представляет собой лингвистическое окружение данной языковой единицы, то вертикальный контекст, по мнению О. Ахмановой – это филологическая проблема, это вопрос о том, как и почему тот или иной писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую информацию, объективно заложенную в созданном им литературном произведении [Akhmanova / Ахманова 1977 : 49].

Следовательно, учет писателем вертикального контекста наряду с соответствующим структурным членением текста, характером актуального членения на фразовом и сверхфразовом уровнях, композиции и некоторыми другими приёмами в совокупности и обеспечивает прагматический эффект, то есть уяснение и активное восприятие адресатом, путём декодирования прагматического содержания текста, той прагматической установки, которая лежит в его основе.

Целесообразным в этом плане представляется анализ специфики стилистического контекста, предпринятой Риффатером, который ввёл категорию “непредсказуемого” элемента [Riffaterre 1971 : 194], во многом проясняющую механизм внутрисистемных контекстуальных взаимосвязей, основную функцию в котором выполняет многозначное слово. Контекст создаваемый “непредсказуемым” элементом на фоне контекста – нормы, где все элементы предсказуемы, реализует стилистический эффект. Для глубокого и полного понимания текста необходим учет как речевого, так и стилистического контекста, в основе которого лежат различного рода сопоставления и противопоставления [Arnold / Арнольд 1972 : 4], что так характерно для текстов-рассуждений, где осуществляется образная реализация логических процессов.

Стилистический контекст устанавливает значение отдельного элемента, учитывая максимум контекстных связей. Функция стилистического контекста усматривается в том, чтобы

увеличивать многозначность, создавая возможность одновременной реализации двух или более значений, или создавая окказиональные значения, дополнительные коннотации и дополнительные семы, или наконец, усиливая коннотации за счет ослабления денотативного значения [Arnold / Арнольд 1972 : 3]. Особенности функционирования слова в текстах-рассуждениях проявляются ярко, если сопоставить с функционированием слова в другом контексте – в текстах – описаниях. Так, обратимся к тексту “Дневника” Эвелина. Наиболее ярким примером проявления своеобразия контекстуальных связей слов и субъективно-авторской модальности является описание Дж. Эвелином лондонского пожара: *This fatal night about ten, began the deplorable fire ... the fire having continued all the night – if I may call it night which was light as day for ten miles round about after a dreadful manner – when conspiring with a fierce eastern wind in a very dry season, I went on foot to the same place* [Evelyn 1982 : 484].

Эмоциональная выразительность коннотативных значений слов *fatal, deplorable, dreadful*, предопределенная семантическим микрокомпонентом, рождается из сочетания со словами *night, fire*, которые не являются их традиционным семантическим окружением. Неожиданной, или, по определению Риффатера, “непредсказуемой” единицей в этом ярко отмеченном стилистическом контексте выступает слово *conspiring*, которое приобретает в микро- и макро-контексте образную, концептуальную значимость реализуя неожиданный для контекстного окружения смысл “тайный заговор” огня и ветра, обнажая яркое образное значение.

Итак, если в контекстуальном анализе необходимо установить указательный минимум, позволяющий идентифицировать одно значение из нескольких возможных, то в стилистическом контексте, например, желательно выявить не минимум, а возможный максимум контекстуальных связей, поскольку компрессия информации в тексте опирается именно на способность слова выступать в иных значениях, вызывая дополнительные ассоциации.

Реализация стилистически отмеченных значений слов в данном контексте возможна только при учете всего семантического диапазона, рождаемого вертикальным

контекстом. Так, смысл первой фразы следующей дневниковой записи *the burning still rages*, может быть объяснён только в соответствии с семантикой, микроконтекста всего анализируемого фрагмента, а характер стилистической выразительности значений этих единиц */burning, rages/* реализуется лишь в грамматическом микроконтексте данного предложения, строгость и простота стилистической организации которого, лишь усиливают аспект прагматической направленности.

Несомненный интерес представляет сопоставительный анализ функционирования слов в однотипных семантических контекстах. Обратимся к дневниковым записям другого английского мемуариста С. Пипса, который в отличие от своего собрата, создает журналистски точную картину этого бедствия – лондонского пожара. Дневники С. Пипса по своей манере больше напоминают тексты-рассуждения, чем тексты-описания, особенно если смотреть не на отдельные предложения, а на текст в целом: *The churches, houses and all on fire and flaming at once, and a horrid noise the flames made, and the crashing of houses at their ruin* [Evelyn 1982 : 661]. В этом фрагменте реализация значений слов прямолинейна и обусловлена на семантической направленностью макроконтекста. Контекстная выразительность и яркость создаются не дополнительными коннотациями значений слов, как в аналогичном описании Дж. Эвелина, а исключительно благодаря сочетаемости слов, каждое из которых предопределено заданностью содержания контекста.

Так, семантически близкие по значению слова *fire* и *flaming*, соединенные микроконтекстной связью, дают ту экспрессию, которая удерживается на уровне одного денотата, а образно-ассоциативная связь значений слов сведена до минимума. Прагматический аспект реализуется не на уровне лексики, а на уровне синтаксиса, сознательно ориентированного С. Пипсом на разговорность, непринуждённость: *So home with a sad heart ... Met with the king ...* [Evelyn 1982 : 662]. Различия в контекстуальных связях слов особенно ярко проявляются при сопоставлении идентичных описаний. Вот как описывает Дж. Эвелин небо при пожаре: *All the sky was a fiery aspect, like the top of a burning oven ...*[Evelyn 1982 : 434]. А описание

С. Пипса: ...*Some how horribly the sky looks, all on fire in the right, was enough to put us out of our wits* [Evelyn 1982 : 663].

У Дж. Эвелина контекст стилистический, индивидуальный, подчиненный раскрытию значения слова, употребленного в особом, “индивидуальном” значении – *fiery aspect*. Его раскрытие происходит в контексте благодаря введению ассоциативной связи, отмеченной словом *like* как сигналом её возникновения: ...*like the top of a burning oven*. У С. Пипса связи линейны – не ассоциативны. Установленные однозначности семантики слов не требуют развернутого контекста. Достаточно микроконтекста *sky ... on fire* для реализации значения денотатов.

Анализ функционирования слова в двух различных типах текстов обнаруживает, что в текстах-рассуждениях аспект риторической выразительности словесного оформления мысли имеет свои особенности. Слово более прочно слито с мыслью, его значение и образ из него рождающийся “анализированы” гораздо сильнее, чем в текстах описаниях, и это объясняется проявленностью фактов речи со всеми особыми формами её построения. Текст и контекст взаимосвязаны. Характер текста тоже оказывает влияние на слово, его надо учитывать. Так, слово в тексте-рассуждении с усиленной аргументацией часто “безобразно” реализует своё значение. В тексте-рассуждении с ослабленной аргументацией оно обретает коннотативное значение и очень сильно зависит от контекста.

Возможно, что в этом сказались особенность текстов XVII века, легко переходивших из одной КРФ в другую. Эта граница была слишком преувеличена современными исследователями. В текстах XVII века рассуждение могло легко органично переходить в описание. Это являлось не контаминацией разных КРФ в пределах целого текстового единства, а диалектикой речемыслительного процесса.

Т. Булыгина проводит параллель между прагматикой и риторикой, сравнивая современные понятия внешней обусловленности различных языковых явлений экстралингвистическими факторами социального взаимодействия – “общественной интеракции” – и понятие “соразмерности” классической риторики, имеющее ввиду как внутриязыковое отношение между содержанием и формой речи, так и

внеязыковую зависимость оратора и публики [Bulygina / Булыгина 1981 : 333].

Учитывая подобные подходы, в любом высказывании нетрудно усмотреть присутствие некоего прагматического момента, уже в силу того, что адресат, реализуя в речи свою коммуникативную задачу, отбирает определенные средства языка, определяя тем к ним своё отношение, а значит, выстраивает и организует их так, чтобы они сделали возможным адекватное декорирование данного высказывания, осуществляя таким образом отношение знаков языка к адресату.

Заслуживает внимания концепция В. Наера [Naer / Наер 1985 : 5], выделившего: 1) собственно прагматику текста как глобальную категорию; 2) адресанта и адресата; 3) прагматическую установку текста; 4) прагматическое содержание; 5) программируемый прагматический эффект. Исследователь отмечает, что такая модель целесообразна для исследовательских целей, а в реальной коммуникации прагматический аспект не существует без содержательно-смыслового.

Наибольшая проявленность прагматической установки прослеживается в тексте-рассуждении. Здесь и “прагматическое содержание” и “программируемый прагматический эффект” со всей очевидностью выступают как обязательное свойство текста.

Прагматический характер текстов-рассуждений отличается двойственностью: с одной стороны, это вполне реальное обращение автора к читателю, а с другой стороны – разговор с самим собой. Эта двойственность диалектична. Тексты-рассуждения воссоздают отношения между “я” с подразумеваемым или явным “ты”. Местоимение *you* присутствует в этих текстах. Восприятие получается когерентным. Писатель не позволяет читателю быть сторонним наблюдателем. Общение с читателем носит характер соразмышления – личной беседы.

Изучение прагматического аспекта текстов-рассуждений XVII века, напрямую связанных с риторикой позволяет не только подойти к раскрытию специфики развертывания текстовой модели, но и изучить функции языка в определенных

сферах общения. Рассуждение как нельзя лучше позволяет писателю выразить своё отношение к лицам и событиям, помогает осуществлять прагматическую установку произведения, воздействовать на читателя, преднамеренно подчеркивая важность того или иного факта или события.

Отчетливость прагматической установки на адресата, использование риторической системы убеждения (фигур речи, фигур мысли) наиболее ярко проявилось в эссе относительно проповеди Дж. Главвилла, роль которого в языковой политике английского общества была решающей.

Тема эссе – доказательство необходимости простого и доступного языка проповедей. Борьба за “простой”, “ясный”, “доступный” язык широко развернулась в английском обществе в середине XVII столетия. Эволюция стиля была подчинена главному – созданию правдивости и непринужденности передачи мыслей. Личная позиция адресанта в данном эссе отчетливо прослеживающаяся в субъективно-оценочной модальности сочетаний слов: *affected rhetorications, phantastic phrases, moral and philosophical subjects* [Glanvill 1967 : 363], ставших к тому времени “ругательными”, определяет открытую прагматическую направленность текста, с первых слов ориентированного на логический захват читателя. Анализ прагматических составляющих убеждает что Главвилл – тонкий оратор, – он прекрасно способен чувствовать настроение аудитории, социальную и психологическую ситуацию времени. Это ярко проявляется в настойчивой дифференциации сфер, употребления высокой риторики и причудливой образности, излюбленной *witty preaches*, против теорий которых и вспыхнула в Англии стилистическая борьба. Так, снисходительно оставляя за моралистами и философами право использования усложненного языка и образности, Главвилл, однако категорически протестует против языковой выпренности в сфере духовной: *It's commonly the Error of the Youth, and may be pordon'd to such, in Moral, and Philosophical subjects, but in men set apart to instruct the people in thing of Spiritual and eternal concernment, this not to be indured subjects* [Glanvill 1967 : 353]. Мысль представлена подчеркнута прозрачно, вместо убедительного аргумента против высокого слога – признание возможности его использования. Отсюда –

новое восприятие авторской интенции, особый контакт с адресатом.

Прагматическая направленность рассуждения регулирует использование определенной системы связующих средств. Словесное целое строится путем нанизывания, варьирования – как накопление аргументов для принципиального тезиса. Актуализуется процесс не развития мысли, а расширение её через накопление новых аргументов: рассуждение строится не по интенсивному принципу, а по экстенсивному. Отсюда и обилие аналогий, сравнений, не только логико-рационалистическая структура рассуждения, но и образно-риторическая. Писатель создаёт у читателя ощущение ожидания, и как результат – особая острота непредсказуемой информации, нового следствия, внесённых союзом *but*. Таким образом, союз *but* играет здесь циклообразующую роль, так как соотносит соположенные компоненты, высвечивая их резкое логическое несходство, что влечет за собой изменение “прагматического фокуса” [Ivanova / Иванова 1981 : 123], процесса рассуждения адресанта:

I blame not all words that are not understood by the weer vulgar: every art, every profession, every subject hath proper terms, which are of hard, and harsh sound to those that understand not those matters respectively... But I would caution here, that the preacher should not employ more terms of art than need [Glanvill 1967 : 354].

Автор выступает не против употребления специальных слов, а только против их необоснованного и чрезмерного употребления. Идет процесс растущего смыслового и эмоционального напряжения, подчеркнутый синтаксической градацией. Риторическая аргументация обнаруживает “диалектику” – вводится “расщепление” как фигура мысли, что даёт развёртываемой идее разное освещение, вовлекая адресата в активный процесс сорассуждения. Этот приём – ядро всей рационально-логической структуры рассуждения, в тексте он заострен структурно: развернутый синтаксис, замедляющий развитие мысли, содержит в своей логической основе эмоционально-экспрессивную “вершину”, выделенную союзом *but*. Таким образом, очевидно, что на коммуникативно-логическую структуру текста-рассуждения оказывает

непосредственное влияние фактор прагматической установки на адресата. Анализ текстов обнаруживает, что чем больше автор отдален от адресата, тем больше текст чреват риторикой, тем больше используется общих, доходчивых, сильнодействующих ораторских приёмов оформления мысли. Убедительность рассуждения зависит от правильности выбранного способа распределения семантической информации относительно экстралингвистических факторов данной ситуации общения. Следовательно, процесс рассуждения невозможен без учета прагматических факторов. Их единство и образует сущность рассуждения как речемыслительного процесса. В прямой зависимости от прагматической установки находится вся структура рассуждения: характер аргументации, доказательства, аналогия и вся система экспрессивно-стилистических приемов и их динамическое взаимодействие.

Литература

1. Аристотель. Риторика. Античные риторики. Москва : Наука, 1978. С. 15–156.
2. Арнольд И. А. Лингвистический и стилистический контекст. *Стиль и контекст*. Ленинград : Наука, 1972. С. 1–53.
3. Ахманова О. С. Вертикальный контекст как филологическая проблема. *Вопр. языкознания*. 1977. № 3. С. 49.
4. Бернер С. С. Проблемы развития разговорного английского языка в XVI–XX вв. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1978. 229 с.
5. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики. *Изв. АН СССР. Сер. мет. и яз.* 1981. Т. 40. № 4. С. 333–343.
6. Иванова Т. П. К вопросу о прагматическом аспекте изучения газетного текста : сб. науч. тр. Москва, 1981. Вып. 178. С. 118–125.
7. Лейкина Б. М. Средства грамматического контекста. *Проблемы языкознания*. Ленинград, 1961. Вып. 60. Т. 301. С. 125–140.
8. Наер В. Л. Прагматика текста и её составляющее: сб. науч. тр. Москва, 1985. Вып. 245. С. 4–13.
9. Adolph R. The rise of modern prose style. London : M.I.T. Press, 1968. 372 p.
10. Burton K. M. P. Restoration literature. London : Hutchinson university library, 1956. 240 p.
11. Croll M. W. The Baroque style in prose. Seventeenth century prose and poetry. San Diego; Chicago; San Francisco : Sel. And ed. By A. M. Witherspoon, 1982. P. 1065–1077.
12. Dijk Teun A. Van. Studies in the pragmatics of discourse. Hague : Mouton, 1981. 331 p.

13. Evelyn J. The diary of John Evelyn. Seventeenth century prose and poetry. San Diego; Chicago; San Francisco : Sel. And ed. By A. M. Witherspoon, 1982. P. 661.
14. Glanvill J. An Essay concerning preaching. Literary criticism of seventeenth century English. New York : Alfred. A. Knopf, 1967. P. 353–358.
15. Morgan J. L. Some interactions of syntax and pragmatics. *Syntax and semantics*. – N. – Y. : Acad. Press, 1975. Vol. 3. P. 217–243.
16. Slama-Cazacu T. Language et context. Le probleme du language dous la conception de L'expression et de L'interpretation par des organizations contextuelles. Gravenhage : Mouton, 1961. 251 p.
17. Riffaterre M. Essais de stylistique structurale. Paris : Mouton, 1971. 194 p.

References

1. Aristotel. Ritorika. Antichnyie ritoriki. Moskva : Nauka, 1978. S. 15–156.
2. Arnold I. A. Lingvisticheskiy i stilisticheskiy kontekst. *Stil i kontekst*. Leningrad : Nauka, 1972. S. 1–53.
3. Ahmanova O. S. Vertikalnyi kontekst kak filologicheskaya problema. *Vopr. yazykoznaviya*. 1977. N 3. S. 49.
4. Berner S. S. Problemyi razvitiya razgovornogo angliyskogo yazyika v XVI–XX vv. *Voronezh : Izd-vo VGU*, 1978. 229 s.
5. Bulygina T. V. O granitsah i soderzhanii pragmatiki. *Izv. ANSSSR. Ser. met. i yaz.* 1981. T. 40. N 4. S. 333–343.
6. Ivanova T. P. K voprosu o pragmaticheskom aspekte izucheniya gazetnogo teksta : sb. nauch. tr. Moskva, 1981. Vyp. 178. S. 118–125.
7. Leykina B. M. Sredstva grammaticeskogo konteksta. Problemyi yazykoznaviya. Leningrad, 1961. Vyp. 60. T. 301. S. 125–140.
8. Naer V. L. Pragmatika teksta i eYo sostavlyayushee: sb. nauch. tr. Moskva, 1985. Vyp. 245. S. 4–13.
9. Adolph R. The rise of modern prose style. London : M.I.T. Press, 1968. 372 p.
10. Burton K. M. P. Restoration literature. London : Hutchinson university library, 1956. 240 p.
11. Croll M. W. The Baroque style in prose. Seventeenth century prose and poetry. San Diego; Chicago; San Francisco : Sel. And ed. By A. M. Witherspoon, 1982. P. 1065–1077.
12. Dijk Teun A. Van. Studies in the pragmatics of discourse. Hague : Mouton, 1981. 331 p.
13. Evelyn J. The diary of John Evelyn. Seventeenth century prose and poetry. San Diego; Chicago; San Francisco : Sel. And ed. By A. M. Witherspoon, 1982. P. 661.
14. Glanvill J. An Essay concerning preaching. Literary criticism of seventeenth century English. New York : Alfred. A. Knopf, 1967. P. 353–358.
15. Morgan J. L. Some interactions of syntax and pragmatics. *Syntax and semantics*. – N. – Y. : Acad. Press, 1975. Vol. 3. P. 217–243.

Стаття надійшла до редакції 16.06.2020 р.
Прийнята до друку 22.10.2020 р.